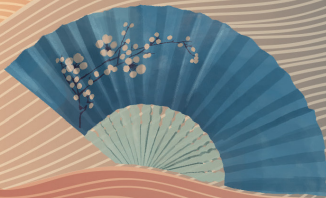

ДЖУЛИ ОЦУКА

КОГДА ИМПЕРАТОР БЫЛ БОГОМ

«Размышление о том, что значит быть
человечным, смелым и верным самому себе»
The Oprah Magazine

Asian American
Literary Award

American Library
Association
Alex Award

Джулия Оцука

Когда император был богом

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70022329
Когда император был богом: Лайвбук; Москва; 2024
ISBN 978-5-907428-96-6*

Аннотация

Эта книга – историческое свидетельство, полное драматизма и зрелой мудрости. После начала Второй мировой войны привычная жизнь этнических японцев в Америке была разрушена. Они превратились во врагов государства. Некоторых из них арестовали, других выслали из страны, третьих интернировали в лагеря. Так происходит и с героями Оцуки: отца задержали, а мать и двоих детей отправили в Юту, в барак за колючей проволокой. Но что дальше? Вернется ли когда-нибудь время нежных теплых дней, голубого неба, зеленых лужаек перед крыльцом – милой повседневной жизни, чья ценность осознается лишь тогда, когда ты все потерял? Обратившаяся к прошлому своей семьи, Джулия Оцука с невероятным мастерством показывает, как тяжелые страницы истории преодолеваются самой жизнью, в которой есть все: рутина, страх, отчаяние, красота и воссоединение после долгой разлуки.

Содержание

Приказ об эвакуации № 19	5
Поезд	25
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Джули Оцука

Когда император был богом

Моим родителям и памяти Тоёко Х. Нозаки

Julie Otsuka

WHEN THE EMPEROR WAS DIVINE

Published in arrangement with Julie Otsuka, Inc. and The Marsh Agency Ltd., acting in conjunction with Aragi, Inc.

Дизайн обложки Анастасии Ивановой

Использованы материалы Shutterstock

© Julie Otsuka, Inc., 2002

© Екатерина Большелапова, перевод на русский язык,
2014

© Livebook Publishing LTD, 2023

Приказ об эвакуации № 19

Эти листки появились в течение одной ночи. На рекламных щитах, стволах деревьев, спинках скамеек на автобусных остановках. Один висел на витрине «Вулворта». Другой – у входа в Христианский союз молодежи. Третий – на дверях муниципального суда. На всех телефонных будках, попадавшихся на Университетской улице, тоже были такие листки, прикрепленные на уровне глаз. Женщина, идущая в библиотеку, чтобы вернуть книгу, увидела его в окне почты. Это было в Беркли весной 1942 года, теплым солнечным днем. На женщине были новые очки, и впервые за последние несколько недель она видела все ясно и отчетливо. Теперь ей не надо было прищуриваться, чтобы разглядеть что-то как следует, но она все равно щурилась по привычке. Женщина прочла объявление от первой до последней строчки, достала авторучку и прочла еще раз. Шрифт был мелкий и бледный. Она написала несколько слов на обратной стороне банковской расписки, повернулась и пошла домой собирать вещи.

Когда через девять дней из библиотеки пришло извещение с просьбой вернуть книгу, женщина еще не закончила собирать вещи. Дети только что ушли в школу, во всех комнатах на полу стояли коробки и чемоданы. Женщина бросила конверт в первый попавшийся чемодан и вышла из дома.

На улице припекало, и пальмы лениво покачивали листьями. Женщина надела белые шелковые перчатки и двинулась по Эшби в восточном направлении. Она пересекла Калифорния-стрит, зашла в аптеку «Рамфорд», купила несколько кусков мыла «Люкс» и большую банку крема для лица. Прошла мимо магазина дешевых товаров и бакалеи, не встретив никого из знакомых. В газетном киоске на углу Гроув купила свежую «Беркли газетт». Быстро просмотрела заголовки. Движение по Бирма-роуд перекрыто, Ивонна, одна из пятерых близняшек, родившихся в семье Дион, поправляется после операции на ухе. Со вторника вводится нормированная продажа сахара. Женщина осторожно свернула газету, чтобы не запачкать типографской краской белые перчатки.

Она остановилась у магазина хозяйственных товаров «Ланди» и стала рассматривать садовые лопаты в витрине. Это были хорошие лопаты с прочными металлическими ручками, и в какой-то момент она даже подумала, что стоит купить одну: цена вполне разумная и не в ее правилах упускать выгодную покупку. Потом она вспомнила, что у нее уже есть лопата, лежит дома, в сарае. Точнее, даже две. Третья была совершенно не нужна. Женщина разгладила складки платья и вошла в магазин.

– Отличные очки, – заметил Джой Ланди, едва ее увидел.

– Думаете? – спросила женщина. – Я к ним еще не привыкла. – Подойдя к полке с товарами, она взяла молоток и крепко сжала в руке. – Есть у вас побольше?

Джой Ланди ответил, что этот самый большой из тех, что продаются в его магазине. Она положила молоток на полку.

– Как ваша крыша, больше не течет? – спросил Джой Ланди.

– Если бы. Недавно протекла еще в одном месте. Наверное, дранка прогнила насквозь.

– Да, дождей в этом году было много.

Женщина кивнула.

– Но и ясных дней достаточно, – добавила она.

Прошлась по магазину, внимательно оглядывая полки. Выбрала две катушки скотча, моток бечевки и вернулась к кассе.

– Каждый раз, когда идет дождь, приходится подставлять под протечку ведро, – сказала она и положила на прилавок две монеты по двадцать пять центов.

– Хорошо, что эту проблему можно так просто решить, – заметил Джой Ланди и, не глядя на нее, отодвинул монеты. – Заплатите потом, – буркнул он и стал сосредоточенно протирать кассу тряпкой.

Какое-то темное пятно никак не оттиралось.

– Я хочу заплатить сейчас, – сказала женщина.

– Не стоит беспокоиться. – Он достал из кармана два леденца в золотой фольге. – Для ваших детишек.

Она сунула леденцы в сумочку, а монеты оставила на прилавке. Поблагодарила за леденцы и направилась к выходу.

– Это красное платье вам очень идет, – крикнул Джой

Ланди ей вслед.

Женщина повернулась и внимательно посмотрела на него, прищурившись поверх очков.

– Спасибо, – произнесла она. – Спасибо вам, Джой.

Дверь захлопнулась за ее спиной, и она вновь оказалась на улице. Внезапно ей пришло в голову, что она много лет делала покупки в магазине Джоя Ланди и никогда не называла владельца по имени. Такая фамильярность казалась ей странной. Даже неприличной. И все же сегодня она назвала его Джой. И теперь жалела, что не сделала этого раньше.

Она достала из сумочки платок и вытерла вспотевший лоб. Солнце припекало все сильнее, а ей вовсе не хотелось появляться на людях взмокшей от пота. Она сняла очки и перешла на теневую сторону улицы. На углу Шаттук села в трамвай, который шел в центр. Сошла в Киттредже и направилась в универмаг «Джей-Эф Хинкс». Спросила у продавца, есть ли у них баулы, и получила ответ, что все проданы. Последний ушел всего полчаса назад, сказал продавец и предложил обратиться в универмаг «Джей-Си Пенни». Но и там баулы закончились. Их раскупили по всему городу.

Вернувшись домой, женщина первым делом сняла красное платье и надела домашнее – выцветшее голубое. Заколола волосы узлом на затылке и сунула ноги в удобные разношенные туфли. Сегодня непременно надо уложить все оставшиеся вещи. Она свернула в рулон восточный ковер, лежавший на полу в гостиной. Сняла со стен все зеркала, а с окон

– шторы и жалюзи. Вынесла во двор карликовое деревце в кадке и поставила его в тени дома, чтобы не слишком жгло солнце. Отнесла в подвал патефон и часы с боем в виде Биг-Бена.

Поднялась наверх, в комнату сына, сняла со стены карту мира и аккуратно сложила по линиям сгиба. Убрала в коробку альбом с марками и деревянную расписную фигурку индейца в пышном головном уборе из перьев. Сын выиграл ее на ярмарке в Сакраменто. Женщина вытащила из-под кровати стопку комиксов о боксере Джо Палуке. Выгребла содержимое ящиков стола. Одежду, которая могла понадобиться сыну, она оставила в шкафу. Бейсбольную перчатку положила на подушку. Все остальное убрала в коробку и вытащила на веранду.

Дверь в комнату дочери была закрыта. На дверной ручке висела табличка, которой раньше не было.

«Не беспокоить» – гласила надпись.

Женщина не стала открывать дверь. Спустилась вниз и начала снимать со стен картины. Их было всего три: в столовой висел портрет принцессы Елизаветы, в холле – распятие Иисуса Христа и на кухне – репродукция «Сборщиц колосьев» Милле. Христа и маленькую принцессу она сложила в коробку так, чтобы Христос оказался наверху. «Сборщиц колосьев» вынула из рамы и пристально на них посмотрела, думая о том, зачем эта картина так долго висела у нее на кухне. Честно говоря, несчастные крестьянки, вынужденные

гнуть спину на бесконечном поле, действовали ей на нервы. Иногда хотелось крикнуть: «Разогнитесь! Посмотрите на меня!» Эту картину она брать не будет, решила женщина и отложила «Сборщиц колосьев» в кучу ненужных вещей.

В гостиной она сняла с полок все книги, за исключением «Птиц Америки» Одиубона. В кухне освободила шкафы. Оставила только то, что могло понадобится вечером. Все остальное – фарфоровую посуду, хрусталь, набор палочек для еды из слоновой кости, которые мать пятнадцать лет назад прислала ей из Кагосимы в качестве свадебного подарка, – сложила в коробки и обернула их скотчем, который купила в магазине Джоя Ланди. Одну за другой она перетащила коробки наверх в застекленную гостиную. Заперла ее на два висячих замка, потом села на ступеньки, натянув на колени платье, и закурила сигарету. Завтра ей и детям придется оставить свой дом. Она не знала, куда они поедут. Не знала, как долго пробудут вдали от дома. Не знала, кто здесь поселится. Но знала одно: завтра их здесь уже не будет.

Еще она знала, какие вещи разрешено взять с собой: постельные принадлежности и белье, посуду, столовые приборы, одежду. Именно эти слова она нацарапала на обратной стороне банковской расписки. Домашних животных брать не разрешалось. Об этом тоже говорилось в объявлении.

Был конец апреля. Четвертая неделя пятого месяца войны. Она не всегда строго следовала правилам и предписаниям, но сейчас выбора не оставалось. Кошку она еще несколь-

ко дней назад отдала соседям, семье Грир. А сегодня поймала курицу, которая с осени свободно разгуливала по двору, и перебила ей шею рукояткой швабры. Ощипала, положила в кастрюлю с холодной водой и поставила вариться.

К середине дня носовой платок насквозь промок от пота. Она запыхалась, в носу было щекотно от пыли. Ныла спина. Женщина сняла туфли, помассировала ступни. Пошла на кухню и включила радио. Энрико Карузо снова пел «La donna e mobile». Голос у него был глубокий, обволакивающий. Она открыла холодильник и достала тарелку роллов с маринованными сливами. Стала медленно есть, слушая пение. Сливы были терпкие и кислые. Именно такие она любила.

Когда ария закончилась, женщина выключила радио и положила два ролла в голубую миску. Разбила туда яйцо и добавила кусок сваренного вчера лосося. Вынесла миску на заднее крыльцо и поставила на ступеньку. Спина у нее по-прежнему ныла, но держалась она прямо. Три раза хлопнула в ладоши.

Из-за деревьев появилась маленькая белая собака.

– Поешь, Белый Пес, – сказала женщина.

Белый Пес был стар и болен, но аппетит у него был прекрасный. Не заставляя себя упрашивать, он уткнулся мордой в миску. Женщина сидела на крыльце и наблюдала, как он ест. Когда миска опустела, пес посмотрел на женщину. Один глаз был затянут бельмом. Женщина потрепала его по

загривку, и пес радостно заколотил хвостом о деревянные ступеньки.

– Хорошая собака, – сказала женщина.

Она встала и пересекла двор. Белый Пес следовал за ней. Нарциссы побелели от мучнистой росы, ирисы начали вянуть. Клумбы заросли сорняками. Женщина несколько месяцев не косила траву. Обычно этим занимался ее муж. Но в декабре его арестовали, и с тех пор она его не видела. Поначалу его отправили на поезде в Монтану, в форт Миссуола, затем перевели в Техас, в форт Сэм-Хьюстон. Каждые несколько дней ему разрешали написать письмо жене. Как правило, в письмах он рассказывал о погоде. Погода в форте Сэм-Хьюстон была отличная. На каждом конверте стоял штамп «Проверено военной цензурой» или «Разрешено к пересылке».

Женщина опустилась на камень под персиковым деревом. Собака устроилась у ее ног.

– Белый Пес, посмотри на меня, – сказала она.

Белый Пес послушно поднял голову. Женщина была его хозяйка, и он выполнял все ее приказы. Она надела белые шелковые перчатки и достала моток бечевки.

– Продолжай на меня смотреть, – сказала она и привязала собаку к дереву. – Ты был хорошим псом. Хорошим белым псом.

Где-то далеко зазвонил телефон. Белый Пес залаял.

– Тише, – сказала женщина, и он сразу замолчал.

– Ложись! – приказала она.

Собака послушно растянулась на земле, глядя на хозяйку единственным здоровым глазом.

– Прикинься мертвым, – велела она.

Белый Пес повернулся на спину, закрыл глаза и безжизненно раскинул лапы. Женщина взяла лопату, прислоненную к стволу дерева. Подняла ее обеими руками и ударила собаку по голове. Тело Белого Пса несколько раз дернулось, он судорожно перебирал задними лапами, словно пытаясь убежать. И через несколько мгновений затих. Струйка крови вытекла из пасти. Женщина отвязала собаку от дерева и выдохнула. Про себя она отметила, что поступила правильно, выбрав лопату. Молоток был бы намного хуже.

Она вырыла яму под деревом. Сверху земля была твердая, чуть глубже – мягкая и черная. Копать было легко. Она орудовала лопатой до тех пор, пока не выкопала глубокую яму. Опустила в нее труп собаки. Он был совсем легкий. Ударился о дно ямы с глухим звуком. Женщина сняла перчатки и посмотрела на них. Они больше не были белыми. Бросила перчатки в могилу и снова взялась за лопату. Надо было закопать яму. Солнце палило всюю, но под деревьями еще оставалась тень. Женщина старалась не выходить из-под дерева. Ей был сорок один год, и она очень устала. Платье на спине потемнело от пота. Она отбросила волосы со лба и прислонилась к стволу. Все вокруг оставалось таким, как прежде, только вскопанная земля была темнее, чем раньше.

Темная и влажная. Женщина сорвала листок с ветки и вернулась в дом.

Когда дети пришли домой из школы, мать напомнила, что завтра утром они уезжают. Отправляются в долгое путешествие. И могут взять с собой ровно столько вещей, сколько осият нести.

– Я все это знаю, – ответила дочь.

На ней было белое хлопковое платье с маленькими синими якорями, волосы заплетены в две тугие черные косички. Она швырнула книгу на диван и сказала, что сегодня учитель, мистер Разерфорд, один урок рассказывал о простых числах, а другой – о хвойных деревьях.

– Ты хотя бы знаешь, какие деревья называются хвойными? – спросила девочка.

Матери пришлось признаться, что нет.

– Расскажи мне, – попросила она, но девочка покачала головой.

– Как-нибудь потом, – пообещала она.

Ей было десять лет, и она прекрасно знала, что ей в этой жизни нравится. Мальчики, лакричные леденцы и Дороти Ламур. Ее любимой песней была «Don't Fence Me In!». Еще она обожала своего попугая ара. Девочка подошла к полке и взяла книгу «Птицы Америки». Положила на голову и, выпрямив спину, стала подниматься по лестнице в свою комнату.

Очень скоро раздался глухой звук, и книга скатилась по

ступенькам. Мальчик посмотрел на мать. Ему было семь, и черная фетровая шляпа все время съезжала с его головы на одну сторону.

– Ей надо держаться прямее, – сказал он.

Подошел к лестнице и посмотрел на книгу. Она раскрылась на странице с маленькой коричневой птичкой. Болотный крапивник.

– Тебе надо держаться прямее! – крикнул он.

– Дело не в этом, – донеслось сверху. – Дело в моей голове.

– А что с ней?

– Она слишком круглая. Поэтому книге не удержаться.

Мальчик повернулся к матери.

– А где Белый Пес? – спросил он.

Не дожидаясь ответа, выбежал на крыльцо и трижды хлопнул в ладоши.

– Белый Пес! – позвал он и хлопнул снова. – Иди сюда, Белый Пес!

Он позвал еще несколько раз, вернулся в дом и подошел к матери. Она резала яблоки на кухне. Длинные белые пальцы знали, как обращаться с ножом.

– Эта собака глохнет с каждым днем, – заметил мальчик.

Он сел за стол, включил радио и сразу выключил, включил и выключил. Женщина разложила яблоки на тарелке. Передавали финальную часть увертюры Чайковского «1812 год» в исполнении городского симфонического оркестра. Литавры гремели. Пушки грохотали. Женщина поставила тарелку

перед сыном.

– Ешь, – сказала она.

Он взял ломтик яблока, как раз когда музыка смолкла и слушатели разразились овациями.

«Браво! Браво, браво!» – доносилось из динамика.

Мальчик повертел ручку, надеясь найти передачу о спорте, но нашел только новости и серенаду Сэмми Кэя. Тогда он выключил радио и взял с тарелки еще кусочек.

– Здесь очень жарко, – сказал он.

– Сними шляпу, – посоветовала мать, но мальчик не стал этого делать.

Шляпу подарил ему отец. Хотя она была велика, мальчик носил ее постоянно. Мать налила в стакан холодного ячменного отвара, и он выпил его залпом.

Девочка вошла в кухню и сразу направилась к стоявшей у плиты клетке с попугаем.

– Скажи мне что-нибудь, – попросила она, почти прижимаясь лицом к прутьям.

Попугай расправил крылья и несколько раз переступил на жердочке.

– Ба-а-ак, – изрек он.

– Я хочу услышать что-нибудь поинтереснее, – сказала девочка.

– Сними шляпу, – произнес попугай.

Девочка села за стол. Мать поставила перед ней стакан с холодным ячменным отваром и дала длинную серебряную

ложку. Девочка облизала ее и стала рассматривать свое крошечное отражение в блестящей металлической поверхности, склоняя голову то в одну сторону, то в другую. Наконец она запустила ложку в сахарницу.

– Скажи, с моим лицом что-то не так? – спросила девочка.

– С чего ты взяла? – удивилась мать.

– Люди на улице таращатся на меня, как на страшилище.

– Подойди-ка сюда.

Девочка встала и подошла к матери.

– Дай я на тебя посмотрю.

– Ты сняла все зеркала, – заметила девочка.

– Пришлось. Не оставлять же их на стенах.

– Скажи, как я выгляжу.

Мать погладила ее по щеке:

– Замечательно. У тебя очень красивый нос.

– А еще у меня есть что-нибудь красивое?

– Конечно. У тебя прекрасные зубы.

– Зубы не в счет.

– Вот и нет. Зубы – это очень важно. – Мать привлекла девочку к себе и обняла за плечи. Та уткнулась ей в шею и закрыла глаза.

– Скажи честно, я не очень страшная? – прошептала она.

– Ну-ка подними голову!

Девочка послушалась.

– Теперь посмотри на меня.

Девочка подняла глаза.

– Я в жизни не видела такой красавицы!

– Это ты просто так говоришь, а на самом деле это неправда, – вздохнула девочка.

– Нет, это правда.

Мальчик включил радио. Передавали прогноз погоды на следующий день. Завтра будет дождь и похолодает.

– Сиди и пей отвар, – сказал мальчик сестре.

– Завтра, выходя из дома, не забудьте зонтик, – посоветовал диктор.

Девочка села за стол. Выпила отвар и стала рассказывать матери о хвойных деревьях. Большинство из них вечнозеленые, но есть и такие, которые меняют хвою каждый год. Не на всех растут шишки. У некоторых, например у тиса, есть только семена.

– Очень познавательно, – выслушав, кивнула мать.

Затем она встала и напомнила дочери, что пора разучить на пианино домашнее задание – следующий урок должен был состояться в четверг.

– Неужели сегодня тоже нужно играть? – спросила девочка.

Женщина задумалась.

– Нет, не нужно, – покачала она головой. – Только если ты сама хочешь.

– Скажи, что мне сыграть.

– Не могу.

Девочка пошла в гостиную и села на банкетку у пианино.

– А метронома-то нет! – крикнула она.

– Считай про себя.

– ...три, пять, семь... – Девочка отложила нож и перевела дух.

Они ужинали в столовой. За окнами сгущались сумерки. Небо приобрело темно-багряный оттенок, с побережья донесся легкий бриз. На магнолии у дверей дома Гриров сидела целая стая соек, наполнявших воздух пронзительным щебетанием. Капля дождя упала на подоконник. Женщина встала и закрыла окно.

– Одиннадцать, тринадцать, – продолжала девочка.

Она повторяла простые числа перед контрольной, назначенной на понедельник.

– Шестнадцать, – подсказал мальчик.

– Нет. Из шестнадцати можно извлечь квадратный корень.

– Я забыл, – откликнулся он, взял вареную куриную ножку и стал есть.

– Как ты мог забыть, если никогда этого не знал?

– Сорок один, – отчеканил мальчик. – Восемьдесят шесть. – Он вытер рот салфеткой и добавил: – Двенадцать.

Девочка насмешливо посмотрела на него и повернулась к матери.

– Какая-то дурацкая курица, – пожаловалась она. – Такая жесткая. – Она отложила вилку. – Больше не хочу.

– Коли не хочешь, не ешь, – ответила мать.

– Я доем, – вызвался мальчик.

Он схватил куриное крылышко с тарелки сестры и засунул в рот. Быстро прожевал, выплюнул кости и спросил у матери, куда они поедут завтра.

– Не знаю, – пожалала она плечами.

Девочка вышла из-за стола. Села за пианино и стала играть по памяти пьесе Дебюсси «Кукольный кэк-уок». Мелодия была простая и медленная. Прошлым летом девочка играла эту пьесу на концерте в музыкальной школе. Тогда отец сидел в первом ряду и, когда она закончила, аплодировал громче всех. Девочка сыграла пьесу до конца, не пропустив ни единой ноты. Когда она начала сначала, мальчик поднялся к себе и стал собирать вещи.

Прежде всего положил в чемодан бейсбольную перчатку. Засунул в красный шелковый карман под крышкой – тот сразу стал выпирать. Побросал в чемодан одежду и попробовал закрыть крышку, но безуспешно. Тогда он сел на чемодан, придавив его своим весом. И вдруг вскочил – крышка тут же открылась. Он кое-что вспомнил. Выбежал в холл и достал из шкафа зонт, черный в белый горошек. Повертел в руках и грустно покачал головой. Слишком длинный. Нечего и думать, что он поместится в чемодан.

Женщина стояла в пустой кухне и мыла руки. В доме было тихо. Дети уже спали. Трубы нагрелись за день, и из крана текла теплая вода. Откуда-то издалека доносились раскаты грома и завывания сирены, слабые, едва различимые. Жен-

щина выглянула в окно. На небе по-прежнему не было ни облачка, сквозь ветви клена проглядывала полная луна. Клен был совсем молодым деревцем с нежными резными листьями, осенью они становились ярко-красными. Ее муж посадил этот клен четыре года назад. Женщина закрыла кран и огляделась вокруг в поисках полотенца. Но его не было. Она упаковала все полотенца. Они лежали в одном из чемоданов.

Тогда женщина вытерла руки о подол и подошла к клетке с попугаем. Сняла зеленую ткань, которой ее накрывали на ночь, и отперла дверцу.

– Выходи, – сказала она и протянула руку.

Попугай осторожно перебрался на подставленную ладонь и вопросительно уставился на женщину.

– Это я, – сказала она.

Птица мигнула. Глаза у нее были черные, без зрачков. Настоящие бусинки.

– Иди сюда, – произнес он. – Иди ко мне.

Попугай говорил голосом ее мужа. Если закрыть глаза, можно подумать, что он рядом.

Но женщина не стала закрывать глаза. Она точно знала, что мужа здесь нет. Он спал сейчас на узкой арестантской койке – а может быть, и на нарах – в форте Сэм-Хьюстон, где всегда отличная погода. Она представила, как он лежит, закрыв глаза рукой, и поцеловала попугая в голову.

– Я и так здесь, – сказала она. – Я и так с тобой.

Она дала попугаю семечко подсолнуха, и он ловко разгрыз

его.

– Иди сюда, – повторил попугай.

Женщина открыла окно и посадила его на подоконник.

– Ты очень красивая, – сообщил попугай.

Она пощекотала у него под клювом, и попугай довольно закрыл глаза.

– Глупая птица, – прошептала женщина.

И закрыла окно. Попугай остался по ту сторону стекла. Он постучал по раме лапой и что-то сказал, она не разобрала. Старалась не слушать, что он говорит. Постучала по оконной раме.

– Улетай.

Попугай взмахнул крыльями и опустился на ветку клена. Женщина схватила швабру, вышла во двор и стала трясти ветки. Брызги окатили ее дождем.

– Улетай, – повторяла она. – Улетай отсюда быстрее.

Попугай расправил крылья и скрылся в ночи.

Женщина вернулась на кухню и достала из шкафа под раковиной бутылку сливового вина. На пустую клетку старалась не смотреть. Опустилась на пол и поднесла бутылку к губам. Сделала большой глоток и стала смотреть на то место, где висели «Сборщицы колосьев». В свете луны белел прямоугольник. Женщина встала, обвела его пальцем и засмеялась. Сначала тихо, потом громче, так что затряслись плечи. Она поставила бутылку на стол, надеясь, что приступ смеха сейчас пройдет. Но он не проходил, она задыхалась от

хохота, из глаз текли слезы. Наконец она перестала смеяться, взяла бутылку и глотнула несколько раз. Вино было терпкое и сладкое. Она сделала его прошлой осенью. Женщина вынула платок и вытерла губы. На платке остались темные пятна. Она заткнула бутылку пробкой, засунув ее как можно глубже.

– La donna и mobile, – напевала она, спускаясь в подвал.

Там женщина спрятала бутылку за проржавевшую железную печку, где никто не смог бы ее найти.

Посреди ночи мальчик пришел к ней в спальню и забрался в постель.

– Что это за странный шум? – спрашивал он, прижимаясь к матери. – Что это за странный шум?

Она погладила его по жестким черным волосам.

– Дождь, – прошептала она.

Мальчик успокоился и моментально уснул. Гром то стихал, то снова раскалывал небо. Если бы не шелест дождевых струй, в доме стояла бы тишина. Женщина лежала без сна и думала, что крыша протекает. Муж давно собирался ее починить, но так и не успел. Женщина встала и подставила под протечку ведро. На душе стало легче. Она легла рядом с мальчиком и натянула одеяло ему на плечи. Во сне он жевал губами, и она подумала, не голоден ли он. Вспомнила о леденцах, которые все еще лежали у нее в сумочке. Леденцы в золотой фольге. Она забыла отдать их детям. А продавец в магазине сказал ей что-то очень приятное. Ах да, похва-

лил красное платье. Хотел ее поддержать. И она это поняла. Женщина закрыла глаза. Завтра утром она отдаст детям леденцы. Ни в коем случае нельзя забыть о них. Она помолилась про себя и задремала, слушая, как капли падают в ведро. Мальчик сбросил одеяло и отодвинулся к стене, где было прохладнее. Через несколько часов он, его сестра и мать встанут и отправятся на Ченнинг-вэй, в Первую конгрегационную церковь, временно превращенную в пункт контроля над иностранцами. Там они получают идентификационные номера, которые придется приколоть к одежде. Потом их погрузят в автобусы и отвезут неизвестно куда.

Поезд

Поезд медленно полз вглубь материка. Белый дом где-то на западной границе Невады, перед ним лужайка и два высоких тополя, между которыми покачивался на ветру гамак. Маленькая собачка спала в тени деревьев. Мужчина в соломенной шляпе подстригал кусты, придавая им форму шара. Безупречно круглых зеленых шаров. Кто-то – может, этот мужчина, а может, садовник – посадил цветы в старой, выкрашенной в красный цвет тачке рядом с почтовым ящиком. У деревянного забора был разбит огород, а над воротами висел написанный от руки плакат: «Продается». За домом оказалось высохшее озеро, а за ним – ничего, кроме пустыни, потрескавшейся, выжженной солнцем земли, тянувшейся до самого горизонта. На карте озеро называлось Перемежающееся. Перемежающееся озеро. Потому что оно то высыхало, то вновь наполнялось водой. Все зависело от того, дождливый был год или нет.

– Я не вижу никакого озера, – сказала девочка.

Шел сентябрь 1942 года. Она стояла, прижавшись лицом к запыленному окну вагона. Ей уже исполнилось одиннадцать. Черные прямые волосы собраны в хвост и перевязаны старой розовой лентой. Светло-желтое платье с пышными рукавами и каймой, которая начала отпарываться. К воротнику приколот идентификационный номер, на шее – голубой шелковый

шарф. Туфли последний раз чистили весной.

– А здесь должно быть озеро? – спросил ее брат.

Ему исполнилось восемь, и у него был такой же идентификационный номер.

Девочка не ответила. Последние два года озеро стояло без воды, но она этого не знала. Она никогда раньше не видела пустыни. Хорошая ученица, хотя и не первая в классе, она знала значение многих слов. Но значение слова «перемежающийся» было ей непонятно. Она снова посмотрела на карту, чтобы убедиться: на этом месте должно быть озеро. На карте его было отчетливо видно.

Не отрывая глаз от нарисованного озера, девочка протянула руку.

– Дай, пожалуйста, лимон, – попросила она.

Мать положила лимон на ее ладонь. Девочка открыла окно и бросила его в пустыню. Он мелькнул в воздухе и ударился о шишковатый ствол дерева. Белый дом между тем удалялся, становясь все меньше и меньше. Девочка была лучшей подающей школьной команды по гандболу. Бросать она умела отлично.

– Метко, – вполголоса заметила мать.

– Я не целилась в дерево, – ответила девочка, убрала карту в чемодан под сиденье и снова села.

По проходу, медленно раскачиваясь из стороны в сторону, прошла пожилая женщина. Девочку обдало каким-то странным затхлым запахом, так пахнут прелые листья. Его изда-

вал старый шелк. Девочка глубоко вздохнула и закрыла глаза. Устроиться поудобнее никак не удавалось. Сиденье было слишком жесткое, и с тех пор как прошлой ночью они выехали из Калифорнии, она не спала ни минуты. Девочка провела в Калифорнии всю свою недолгую жизнь – сначала в Беркли, в белом оштукатуренном доме на широкой улице недалеко от моря. Потом, последние четыре с половиной месяца, – в лагере для перемещенных, расположенном к югу от Сан-Франциско, на бывшем ипподроме в Танфоране. А теперь она, ее брат и мать ехали в Юту, где им предстояло жить в пустыне. Поезд был старый – похоже, он простоял на запасных путях долгие годы. На стенах висели газовые лампы, давным-давно вышедшие из употребления, а локомотив приводила в движение угольная топка. Вагоны так трясло, что некоторых пассажиров тошнило. Воздух насквозь пропитался запахами пота и рвоты, к которым примешивался слабый аромат цитрусовых. Рано утром солдаты поставили на пол вагона ящик, полный апельсинов и лимонов. Девочка любила апельсины и не ела их уже несколько месяцев. Но сейчас и думать не могла о том, чтобы проглотить хотя бы дольку. Поезд в очередной раз дернулся, и она со стоном уронила голову на колени.

– По-моему, меня сейчас вырвет.

Мать дала ей коричневый бумажный пакет. Девочка открыла его, и ее стало рвать. Мальчик достал из кармана брюк носовой платок и протянул его сестре. Девочка зажала пла-

ток в кулаке. Мать погладила ее по спине, но она сердито повела плечами.

– Не трогай меня, – сказала она. – Когда мне плохо, я хочу быть одна.

– Ну и глупо, – ответила мать, продолжая гладить ее.

Девочка больше не пыталась отстраниться.

Около полудня поезд проехал маленький городок под названием Виннемукка. Короткие тени жались к домам, небо было яркое и чистое. На водонапорной башне девочка увидела плакат с призывом: «С каждой зарплаты покупай военные облигации». Рекламу виски «Олд Шинли» и передачи «Час американских мелодий». Они еще не выехали из Невады. По-прежнему было воскресенье. Где-то вдалеке звонили церковные колокола, и на улицах было полно нарядных людей, которые возвращались домой после воскресной службы. Три девушки в белых платьях вертелись под одинаковыми белыми зонтиками. Мальчик в синей куртке достал из кармана рогатку и прицелился в трех черных дроздов, сидевших на проводах. На окраине города мужчина и женщина ехали на велосипедах через мост, и девочка подумала о том, кем они приходятся друг другу. А может, они даже не знакомы и оказались вместе на мосту случайно. На женщине были темные очки и короткие желтые брюки. Судя по всему, в церкви этим утром она не была. Женщина смеялась, длинные рыжие волосы развевались у нее за спиной. Девочка высунулась из окна и крикнула: «Привет!» Но женщина не расслышала, она

была слишком далеко, уже съезжала с моста, и мужчина изо всех сил жал на педали, чтобы ее догнать.

Поезд загудел, и девочка почувствовала, как на плечо ей опустилась чья-то рука. Она повернула голову и взглянула в лицо стоявшего рядом солдата. Это был совсем молодой парень, из-под форменной фуражки выбивались пряди светло-каштановых волос. Под правым глазом темнела родинка, на которую девочка невольно уставилась. С усилием оторвав взгляд от родинки, она взглянула ему в глаза и снова засмотрелась. У молодого солдата были очень красивые глаза. Необычного темно-зеленого цвета. И эти глаза смотрели прямо на нее.

– Мисс, – сказал он, – прошу вас, опустите шторы.

Голос у него был глубокий и приятный. Он не улыбался, но девочка чувствовала: ему хочется улыбнуться. Она не могла объяснить, почему так уверена в этом.

– Хорошо, сэр, – ответила она.

Опустила шторы, и велосипедисты на мосту исчезли. Наверняка эти двое влюблены друг в друга, решила девочка.

Молодой солдат двинулся по проходу, призывая мелодичным голосом: «Пожалуйста, опустите шторы». Девочка повторяла эти слова про себя. А затем вдруг позвала: «Сэр!» И ее собственный голос прозвучал почти пронзительно. Она не собиралась его звать, это слово сорвалось у нее с языка само собой. «Сэр!» – снова закричала девочка. Она ничего не могла с собой поделать. «Сэр, сэр, сэр!» – призывала она.

Но молодой солдат ее не слышал.

Девочка откинулась на спинку сиденья. Пожилой мужчина, сидевший напротив, что-то сказал ей по-японски. За многие годы, проведенные под палящим солнцем, кожа на его лице загрубела и стала темной, шею исполосовали глубокие морщины. На руке не хватало двух пальцев. Девочка покачала головой и ответила, что, к сожалению, говорит только по-английски.

– Вот, значит, как, – пробормотал старик.

Он повернулся, опустил штору, и в вагоне стало еще темнее.

Молодой солдат дошел до конца вагона и слегка коснулся кобуры, висевшей у него на боку, словно хотел убедиться, что оружие по-прежнему на месте. Девочка подумала, что этой самой рукой, так же легко, он коснулся ее плеча. Она очень надеялась, что он подойдет к ней еще раз. Но после того, как опустили последнюю штору, вагон погрузился во тьму и она уже не могла разглядеть солдата. Вообще никого не могла разглядеть. И никто не мог разглядеть ее. От тех, кто находился за стенами вагона, ее отделяли шторы. Какой-нибудь человек, прогуливаясь по улице, увидит поезд, который среди бела дня едет с опущенными шторами, и, может быть, удивится.

«Какой странный поезд», – подумает он.

А скорее всего, вообще ничего не подумает. Потому что у него хватает своих забот. Может, он думает о том, что приго-

товить сегодня на ужин. Или о том, кто выиграет войну. Девочка ничего не имела против опущенных штор. В последний раз, когда они с поднятыми шторами проезжали мимо какого-то города, в окно запустили камнем.

Поезд замедлил ход и пересек деревянную эстакаду над высохшим руслом реки. Городов по пути больше не встречалось, рядом с железнодорожным полотном тянулось бесконечное шоссе. Не было никаких причин ехать с опущенными шторами и дальше. Девочка потянула за шнурок, подняла штору, и в вагон хлынул солнечный свет.

– Как ты думаешь, мы увидим лошадей? – спросил ее брат.

– Не знаю.

Потом она вспомнила, что в журнале «Нэшнл джиографик» читала о мустангах. Несколько столетий назад испанцы завезли сюда лошадей, и теперь их одичавшие потомки огромными табунами кочуют по прериям. Каждую осень они спускаются с холмов на равнинные пастбища. И если ковбою нужна новая лошадь, он идет в прерию и выбирает себе мустанга. Без всяких хлопот. Девочка представила, как ковбой хлопает в ладоши и к нему в облаке пыли мчится дикая лошадь, огромный белый жеребец.

Она повернулась к брату и сказала, что лошадей они, возможно, и увидят. Причем диких. Потому что в Неваде диких лошадей водится больше, чем во всех других штатах. Об этом она тоже прочла в «Нэшнл джиографик».

– А как ты думаешь, сколько лошадей мы увидим? – спро-

сил мальчик.

– Скорее всего, штук восемь.

Мальчика, похоже, такой ответ вполне удовлетворил. Он положил голову на колени сестры и задремал.

Девочка была слишком измучена, чтобы спать. Она смотрела в окно, припоминая, когда ее брат впервые заговорил о лошадях. Скорее всего, в Танфоране. Все лето они жили в старых конюшнях за ипподромом. Спали на тюфяках, набитых соломой, а по утрам умывались водой из жестяных желобов. Дважды в день вой сирены созывал их на перекличку, три раза они ели за длинными столами в просторном помещении под трибунами. В первый же вечер брат выковырял жесткий конский волос из недавно оштукатуренной стены, а потом долго гладил следы конских зубов на деревянных дверях в стойлах. В теплые дни он ощущал, как от влажного линолеума на полу исходит конский запах. В дождливые дни девочка не выходила на улицу и писала письма отцу в форт Сэм-Хьюстон, или в Лордсбург, или туда, где он находился в данный момент. А брат, в плаще и красных резиновых сапогах, ходил кругами по ипподрому, по жидкой грязи беговых дорожек. Однажды ночью, когда им мешали спать надоедливые мухи, он резко сел на койке и сообщил сестре, что непременно станет жокеем. За всю свою жизнь он ни разу не сидел на лошади.

– Все жокеи очень маленького роста, – сказала девочка. – Ты что, хочешь быть коротышкой?

Мальчик растерялся. Он хотел ездить верхом, это верно. Но быть коротышкой ему вовсе не хотелось.

– Плевать, какого ты будешь роста! – крикнул мистер Окамура, который жил в соседнем стойле за перегородкой. – Скакать верхом – это здорово!

– Ну уж нет! – возразил мистер Ито, который жил через два стойла от них. – Зачем тебе быть недомерком? Ешь побольше, чтобы вырасти крупным парнем, как и положено настоящему американцу.

На следующий день в конюшню пришли плотники и затянули окна сеткой. Мухи перестали их беспокоить, и по ночам мальчик больше не говорил о лошадях. И ни о чем другом тоже. Он крепко спал.

К концу дня в поезде кончился запас воды. Солнце палило сквозь грязные окна, в вагоне было жарко и душно. Ночью, когда они ехали в горах над Тахо, включили отопление, и теперь его нельзя было выключить. А может, и можно было, но никто этого не делал. Девочка не знала, почему раскаленный вагон продолжают отапливать. Она обливалась потом, во рту пересохло.

– Посмотри, – толкнул ее локтем мальчик.

Он листал книгу «Большая африканская охота», и его внимание привлекла глянцевая фотография, на которой был изображен огромный дикий слон, мчавшийся по равнине, поросшей кустарником.

– Как ты думаешь, что стало с человеком, который сделал

этот снимок?

На мгновение девочка задумалась, прищулив глаза.

– Наверняка слон его затоптал, – решила она.

Мальчик печально посмотрел на слона и перевернул страницу. На следующей фотографии было изображено стадо газелей, гарцующих по саванне. Девочка встала, прошла в дальний конец вагона и заняла очередь в туалет.

А пока занялась своими волосами. Утром мать собрала их в хвост и завязала лентой, которая уже успела сползти. Девочка попыталась затянуть ее потуже, но лента порвалась, и прямые черные волосы рассыпались по плечам. Девочка в досаде бросила ленту на пол.

– Как настроение? – спросил стоявший рядом мужчина.

Виски у него были седые, но девочка не могла определить, старый он или молодой. На нем были очки с железными дужками, на руке поблескивали красивые золотые часы, они показывали неверное время.

– Не знаю, – пожала плечами девочка. – Как по-вашему, какое у меня настроение?

– По-моему, прекрасное, – ответил он, поднял разорванную ленту и связал. Его длинные тонкие пальцы двигались с удивительной ловкостью. Он потянул ленту за концы, проверяя, не разойдется ли узел. Не разошелся.

– Можете оставить ее себе, – сказала девочка.

– Но ведь она твоя, – возразил мужчина и протянул ей ленту.

Она сунула ленту в карман.

– Здесь невыносимо жарко, правда? – спросила девочка.

– Невыносимо, – согласился мужчина, достал носовой платок и стал вытирать вспотевший лоб.

Поезд качнуло на повороте, девочка почувствовала, что теряет равновесие, и прислонилась к стене.

– Прошлой ночью было жутко холодно, а сейчас так жарко, что невозможно дышать, – сказала она. – Все так быстро меняется.

– Совершенно справедливо, – кивнул мужчина.

Она заметила, что в уголке его платка вышито золотой нитью «Т. И.», и спросила, что это означает.

– Мои инициалы. Я Тэйдзо. Но друзья называют меня Тед.

– А «И»?

– Первая буква моей фамилии. Исимото.

– Можно я тоже буду звать вас Тед?

– Если хочешь.

– Вы богатый человек?

– Уже нет. – Он сложил носовой платок и спрятал в карман. – У тебя очень красивый шарф.

– Его подарил мне папа. Он много путешествовал. Даже в Париже был. Оттуда и привез этот шарф. Я просила привезти духи, но он забыл. И вместо духов купил шарф. Он слишком простой, как вам кажется? – (Мужчина ничего не ответил.) – А себе он купил в Париже ботинки. Такие смешные, все в маленьких дырочках. И деревянные распорки, чтобы

вставлять в ботинки на ночь. – Девочка снова посмотрела на свой шарф. Он выцвел и обтрепался на концах. – Проблема в том, что у меня уже был голубой шарф, – вздохнула она. – И я надеялась, папа привезет из Парижа что-нибудь другое.

Тед Исимото вынул из кармана очки и стал протирать стекла рукавом рубашки.

– Ничего, ты еще получишь то, что хочешь, – сказал он. – А где сейчас твой папа? Тоже в этом поезде?

– Нет, – покачала головой девочка. – Его отправили в другое место. Сначала он жил в Миссуоле, потом в форте Сэм-Хьюстон. А теперь – в Лордсбурге, это где-то в Нью-Мехико. Там совсем нет деревьев.

– Нет деревьев! – воскликнул мужчина и покачал головой, словно не в силах поверить в такое ужасное обстоятельство. – Папа написал тебе об этом в письме?

Дверь туалета открылась, и оттуда вышла женщина.

– Твоя очередь, – улыбнулась она.

Девочка подняла глаза на Теда Исимото:

– Не уходите.

Она зашла в туалет и стала рассматривать свое отражение в зеркале над раковиной. Впрочем, она заранее знала, что увидит: не слишком красивая девочка в простом голубом шарфе. Повернула кран, но воды не было. Склонила голову набок, сказала «А-а-а» и улыбнулась уголками губ. Стоило это сделать, как лицо сразу изменилось. Теперь она стала похожей на мать, хотя, конечно, не выглядела такой взрослой.

– Папа никогда мне не пишет, – сообщила она, едва выйдя из туалета.

Это была неправда. Отец писал ей каждую неделю с той самой декабрьской ночи, когда его арестовали. И она хранила все его письма.

– Очень плохо с его стороны, – сказал Тед Исимото.

Он хотел войти в туалет, но девочка преградила ему путь.

– Видите вон ту леди? – Она указала в конец вагона.

Тед Исимото кивнул.

– Как по-вашему, она красивая?

– Да.

– Это моя мама.

– Твоя мама – очень красивая женщина.

– Я знаю. Об этом все говорят. Она за нами следит.

– На то она и мама, чтобы следить за дочерью, – заметил Тед Исимото. – Она очень устала. Я вижу это по ее глазам. Скажи ей, что все будет хорошо. – Он слегка поклонился и сделал шаг к дверям. – Извини, но я должен тебя покинуть.

Девочка отпустила дверь и медленно двинулась по проходу. В середине вагона малышка лет пяти-шести играла на полу с грязной куклой. У той были вьющиеся золотистые локоны и большие фарфоровые глаза, которые открывались и закрывались.

– Как зовут твою куклу? – спросила девочка.

– Мисс Ширли, – ответила малышка и застенчиво прижала куклу к груди. – Мама заказала ее по каталогу «Сирс».

– Она очень красивая.

– Я ее тебе не отдам.

– А я и не прошу, – улыбнулась девочка и пошла дальше.

Многие пассажиры храпели. Какой-то мужчина спал, закрыв лицо сложенной газетой. Девочка прошла мимо молодой женщины с книгой «Военный врач в Бирме» и мимо мужчины, который читал словарь Уэбстера и подчеркивал некоторые слова красным карандашом. Два мальчика дрались за место у окна, а две пожилые женщины, сидящие напротив, вязали совершенно одинаковые носки к зимним холодам.

Когда девочка нашла свое место и села, старик, сидевший напротив, снова что-то сказал, и она опять не разобрала ни слова. Интересно, где его жена, подумала девочка, да и был ли он когда-нибудь женат. Она хотела посмотреть, не носит ли старик обручальное кольцо, но именно этого пальца у него не было.

– Что он сказал? – шепотом спросила она у матери.

– Что-то про клубнику. Он всю жизнь выращивал клубнику.

– Клубника – это очень вкусно, – сказала девочка, обращаясь к старику.

Он закивал и расплылся в улыбке.

– Он тебя не понял, – заметила мать.

– Нет, понял.

Мать достала из сумочки щетку для волос.

– Повернись.

Девочка отвернулась к окну и закрыла глаза, а мать стала водить щеткой по ее волосам.

– Сильнее, – попросила девочка.

– Где твоя лента?

– Сильнее!

Касаясь волос, щетка производила звук, похожий на треск разрываемой ткани.

– У тебя такие красивые волосы, – вздохнула мать. – Тебе надо чаще носить их распущенными.

– Ходить с распущенными волосами слишком жарко.

– С кем это ты разговаривала?

– Так, ни с кем, – пожалала плечами девочка. – Просто один человек. Богатый... Его зовут Тед. И он просил передать тебе, что все будет хорошо.

– Ему-то откуда знать?

– А еще он сказал, что ты очень красивая.

– Неужели?

– Да, он так сказал.

– Не надо принимать на веру все, что говорят люди.

Девочка резко повернулась и посмотрела матери в лицо. Вокруг глаз залегли морщинки, которых она прежде не замечала.

– Почему ты больше не красишь губы?

– У меня кончилась помада. Еще две недели назад.

Девочка встала и тряхнула волосами. За окном у дороги

виднелась вывеска «Хижина Дайны». Перед ресторанчиком остановились три больших грузовика. Единственное здание на много миль вокруг. На асфальте были нарисованы желтые линии для парковки, но грузовики стояли как попало. Дверь распахнулась, и из ресторана вышел человек в ковбойских сапогах и шляпе. Он смеялся. Наверное, кто-то, оставшийся внутри, – может быть, сама Дайна – только что удачно пошутил. Увидев поезд, человек посмотрел на проползавшие мимо вагоны, приставив палец к полям шляпы. А потом направился к грузовику.

Девочка не поняла, зачем он коснулся шляпы. Может, это знак приветствия. А может, его жест вовсе ничего не значил. Девочка сунула руку в карман платья и ощупала узел на ленте. Потеребила в руках шарф. И повернулась к брату:

– Как по-твоему, этот шарф красивый или не очень?

Мальчик заерзал на сиденье, хлопая глазами.

– Только говори правду, – предупредила девочка.

– Я всегда говорю правду.

– Ну?

– Тот, что ты носила в прошлом году, нравился мне больше, – после некоторой паузы ответил мальчик.

– В прошлом году я вообще не носила шарф. – Девочка отвернулась и глянула в сторону туалета, пытаясь сообразить, вышел ли уже оттуда Тед Исимото.

Дверь туалета открылась, появилась молодая женщина с ребенком на руках. Он кричал, личико покраснело от нату-

ги. Блузка на женщине спереди была мокрой. Тед Исимото исчез.

Девочка открыла чемодан, достала потрепанную колоду карт и стала ее тасовать.

– Вытащи карту, – попросила она брата. – Любую.

Мальчик не ответил. Он что-то искал в своем чемодане.

– Хорошо, тогда я сама вытащу. – Она вытащила карту из середины колоды и показала брату. – Отгадай, что она означает.

– У меня нет настроения играть в карты, – буркнул мальчик.

– Это еще почему?

– Потому что. Я забыл зонт. Мне казалось, я взял его. Но в чемодане его нет.

– В дороге без потерь не обходится, – заметила мать, протягивая ему апельсин.

– Так что будь растеряхой и впредь, – добавила девочка.

– Я этого не говорила, – возразила мать.

– Но имела в виду, – отрезала дочь.

– Как только приедем, я куплю тебе другой зонт, – пообещала мать.

– Боюсь, мы никогда не приедем, – вздохнула девочка.

– Приедем. Завтра.

Мальчик постучал апельсином себе по лбу.

– Прекрати, – сказала мать.

Он перестал, надкусил толстую кожуру, и сок потек у него

по подбородку.

– Аккуратнее. – Мать забрала апельсин и стала чистить. Движения у нее были медленные. В конце концов, спешить некуда. – Вот как надо обращаться с апельсином, – сказала она. На ее тонких белых руках недавно стали появляться пигментные пятна. Она поздно вышла замуж, поздно родила детей, но рано начала стареть. – Ты понял? – спросила она сына.

– Понял. – Он открыл рот, и мать дала ему дольку апельсина.

А девочка тем временем выбрасывала в открытое окно карту за картой. Наконец у нее осталась последняя – шестерка треф. О значении этой карты ей ничего не было известно. Она перевернула ее и посмотрела на фотографию Гласье Фоллс на рубашке. Позапрошлым летом отец нанял водителя-индуса, который отвез всю семью в Йосемити¹, где они провели неделю в отеле «Авани». Там, в сувенирной лавке, она и купила эти карты, а брат – настоящий томагавк. Каждый вечер они ужинали в удивительном ресторане, где висела люстра невероятных размеров. Официанты в смокингах называли ее «мисс» и приносили на серебряном подносе все, что она заказывала. Каждый вечер она заказывала одно и то же. Омара. Омары в этом отеле были очень вкусные.

Девочка написала на шестерке треф свое имя и выбросила карту вслед за остальными.

---

¹ Национальный парк.

Ближе к вечеру поезд проезжал окрестности Элко. У обочины стоял старый красный грузовик, с подножки которого соскочил какой-то мужчина. В кабине сидела женщина и глядела куда-то вдаль. Девочка знала, куда она смотрит. В пустоту. Потому что больше здесь смотреть не на что. Мужчина несколько раз ударил по капоту, из-под которого валил дым.

– Правильно, дай ему как следует, – сказала девочка.

В небе кружил одинокий ворон. Потом эта картина скрылась из виду.

Мальчик потянул сестру за рукав.

– Что тебе?

– Слон его затоптал, – сообщил мальчик. – Того человека, который фотографировал. – Он лизнул кончик пальца и вывел на пыльном окне букву «Х».

Девочка открыла чемодан и дала брату лист бумаги и карандаш:

– Рисуй лучше здесь.

Мальчик нарисовал большой квадрат, а в квадрате – человечка в костюме, с огромными распорками для обуви вместо ног.

– Это папа, – пояснил он и пририсовал человечку усы.

Но что-то в этих усах было неправильно.

– Они слишком широкие, – заметила девочка.

– Да, верно.

Мальчик стер усы, а вместе с ними – половину рта чело-

вечка. Потом нарисовал новые усы, не такие широкие. Но теперь человечек остался вовсе без рта. Мальчик протянул карандаш сестре:

– Рисуй лучше ты.

Девочка взяла карандаш и нарисовала над головой человечка небо, усеянное звездами.

– Нарисуй ему шляпу, – попросил мальчик.

Она нарисовала широкополую черную шляпу с маленьким перышком, заткнутым за ленту. Девочка рисовала очень хорошо. В прошлом году она получила первую премию на конкурсе в начальной школе Линкольна. Тогда она нарисовала сосновую шишку. Просто представила ее перед глазами – и рисунок появился сам собой. Казалось, карандаш движется по бумаге без ее участия.

Вскоре мальчик задремал, а девочка достала из чемодана открытки, присланные отцом. На одной из них был изображен человек с удочкой на берегу реки. По нижнему краю шла надпись: «Привет из Монтаны, штата сокровищ!» На другой открытке была изображена самая высокая дымовая труба в мире. Она находилась в Анаконде, штат Монтана. Девочка перебирала открытки с индейскими пуэбло и остатками древних наскальных рисунков, пока не нашла то, что искала, – фотографию самого большого и красивого гимнастического зала в штате Нью-Мехико, стадиона средней школы в Санта-Фе. Снаружи он выглядел как огромный жилой дом, разве что с крестообразными перекладинами на окнах. На

обратной стороне открытки отец написал: «Наконец-то у нас настало лето. Я чувствую себя хорошо и надеюсь, вы все тоже здоровы. Скоро твой день рождения, я помню об этом. Пожалуйста, напиши, какой подарок ты хотела бы получить. В Сан-Франциско есть большой универмаг „Париж“, где я могу заказать все, что угодно, и послать тебе по почте. Слушайся маму. С любовью, папа».

Он приписал несколько строчек в самом низу, в постскрипуме, но они были вымараны цензурой. Девочка так никогда и не узнала, о чем там говорилось. Она не ответила отцу на письмо: дни были слишком похожи друг на друга, и ей никак не удавалось придумать, о чем писать. Тем не менее ко дню рождения отец прислал ей по почте подарок – голубой шелковый шарф и флакончик духов «Серенада». Духи закончились давным-давно. Теперь она даже не могла вспомнить, какой у них был аромат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.